

Глава 7. Леопард во дворе

Е Цинжан твёрдо решил оставить черного леопарда себе, но и на рожон лезть не хотелось. Решив уладить всё миром, он заговорил мягко и рассудительно:

— Мне очень приглянулся этот зверь. Жаль, конечно, что вы нашли его первыми. Назовите вашу цену, мы его купим.

Коренастый толстяк замялся, собираясь отказать, но стоявший за его спиной верзила-бородач окинул Е Цинжана пренебрежительным взглядом. Чистенькое, почти студенческое лицо юноши явно не внушило ему почтения. Сплюнув, он грубо рявкнул:

— Слышь, ты, шлюха недотраханная! Товар заказан самим Третьим господином, тебе его в жизнь не оплатить. Вали отсюда, пока задницу не развальцевали, ублюдок!

Оскорби он самого Хэ Чэншуана, тот, возможно, и ухом бы не повел. Но ублюдок посмел разинуть пасть на Е Цинжана. Хэ Чэншуан мгновенно посмотрел ледяным взглядом. Одним слитным движением он выхватил из-за пояса пистолет и спустил курок. Бородач резко отпрянул назад, рухнул навзничь и глухо ударился затылком о землю. Он уставился в небо остекленевшими глазами; тело несколько секунд содрогалось в судорогах, пока изо рта не хлынула темная кровь. Он затих.

Толстяк даже сообразить ничего не успел, а вот его уцелевший подельник перепугался до смерти. Банда их была не из робких, и руки у всех давно были по локоть в крови, но человек, готовый пустить пулю в лоб без единого слова предупреждения, казался им страшнее самого дьявола.

Е Цинжан тоже вздрогнул. Старый мир, где всё еще действовали законы, доживал последние дни, но убивать так просто, средь бела дня... Впрочем, понимание того, что Хэ Чэншуан спустил курок исключительно из-за брошенного в его адрес оскорбления, отозвалось в душе Е Цинжана сложной гаммой чувств.

Толстяк посерел, пальцы, сжимавшие оружие, предательски задрожали. Вглядевшись в испачканное маскировочной краской лицо стрелка, он мысленно проклял всё на свете и поспешно взмолился:

— Босс Хэ! Это вы... Леопард ваш, нам ничего не нужно! Сделайте милость, забудьте, что видели нас сегодня. Ваша вражда с Третьим господином — это ваши дела, мы люди маленькие, просто торговлей промышляем!

— Вон, — процедил сквозь зубы помрачневший Хэ Чэншуан.

Двое выживших бросились наутек, даже не подумав забрать остывающий труп своего

товарища.

Дожидаюсь, пока чужаки скроются из виду, Е Цинжан нахмурился и негромко спросил:

— Ты отпустил их... Не боишься, что они принесут нам неприятности?

Обернувшись к нему, Хэ Чэншуан заговорил на удивление мягко:

— Даже если бы мы прикончили всех троих, шила в мешке не утаишь. — Он замолчал, вглядываясь в лицо юноши, а затем спросил: — Моя жестокость... она не пугает тебя?

Е Цинжан не знал, что ответить. Что он мог сказать?

«Рассказать ему, что всего через полгода привычный мир рухнет? Что появятся зомби, мутировавшие твари и хищные растения? Что люди будут резать друг друга за корку хлеба, и убийство станет обыденным делом?»

Разумеется, вслух этого произносить было нельзя.

Однако кровожадность и ярость, бушевавшие в душе Хэ Чэншуана уже сейчас, не сулили ничего хорошего. С какой стороны ни посмотри, столь взрывной нрав нес в себе лишь угрозу.

Тихо вздохнув, Е Цинжан попытался его урезонить:

— Он всего лишь сболтнул лишнего. Не стоило лишать его жизни из-за пары грязных слов. Какими бы грехами ни было запятнано его прошлое, кара всё равно настигла бы его. Тебе не нужно было марать руки.

— А если бы эта мразь и дальше жила припеваючи? — огрызнулся Хэ Чэншуан. — Если земля носит ублюдков, которые способны только гадить вокруг себя, зачем им вообще дышать?

Заметив, как побледнел собеседник, Хэ Чэншуан решил, что тот просто потрясен видом свежего трупа. Ему и в голову не могло прийти, что мысли Е Цинжана сейчас витают среди грядущих ужасов апокалипсиса. Смягчив тон, он добавил:

— Ты просто не знаешь, что это за отребье. Они ведь не только редкими зверями промышляют. Они людьми торгуют, как скотом, а издевательства и пытки для них — обычное развлечение.

Он наливался яростью, дыхание становилось тяжелым, прерывистым. Е Цинжан догадался, что за этим гневом скрываются призраки собственного темного прошлого Хэ Чэншуана. Сделав шаг вперед, он мягко положил ладонь ему на плечо:

— Да, такие люди действительно не заслуживают пощады. Я беспокоился лишь о том, чтобы у тебя не возникло лишних проблем. В конце концов, это я настоял на спасении леопарда. Без твоей помощи я бы не справился.

Обычно Хэ Чэншуан не выносил чужих прикосновений и близости, но тепло ладони Е Цинжана подействовало на него умиротворяюще. Повинуясь внезапному порыву, он резко притянул юношу к себе, крепко обняв и уткнувшись лицом в его плечо.

Опешивший от неожиданности, Е Цинжан всё же не решился его оттолкнуть. Он лишь бережно приобнял мужчину за спину, успокаивающе похлопывая. Горячее, прерывистое дыхание Хэ Чэншуана обжигало шею, вызывая щекочущее чувство. По коже побежали мурашки, и Е Цинжан невольно отклонил голову назад, пытаясь уклониться от этого интимного тепла.

Хэ Чэншуан уже начал успокаиваться, но эта робкая попытка отстраниться вновь пробудила в нём тёмного зверя. Он помрачнел. Повинуясь собственническому инстинкту, он слегка прикусил открытую светлую кожу на шее юноши, словно хищник, удерживающий добычу от побега. Однако причинить настоящую боль так и не поднялась рука — он лишь замер, прижавшись губами к пульсирующей жилке, и мимолетно коснулся её кончиком языка.

Вздрогнув, Е Цинжан с силой оттолкнул его и отступил на пару шагов. Он густо покраснел от смущения. Прижав ладонь к горящему месту укуса, он возмущенно выдохнул:

— Ты что творишь?!

В его возмущении сквозила явная растерянность. Слегка повысив голос, Е Цинжан сейчас напоминал испуганного олененка — его глаза затуманились влагой, лишая Хэ Чэншуана последних крох самообладания.

Подавив рвущееся изнутри вожделение, он лишь хрипло выговорил:

— Сам не знаю, что на меня нашло. Наверное, я действительно болен. Если тебе от этого станет легче — ударь меня.

В его глазах промелькнули искреннее смятение и горечь.

Увидев это непривычное выражение лица, Е Цинжан растерял весь свой пыл. Не бить же его в самом деле. Да и ругаться было бессмысленно — он ведь знал, насколько неуравновешенным бывает Хэ Чэншуан. Должно быть, в нём еще бурлила неостывшая после убийства ярость, вот он и сорвался. В прошлой жизни этого человека все только ненавидели, боялись и пытались использовать в своих интересах. Е Цинжан дал себе слово, что сам никогда так не поступит.

— Ладно, проехали. Всё равно не больно, — примирительно вздохнул Е Цинжан. — Только

пообещай, что больше не будешь так делать.

Решив сменить тему, он переключил внимание на раненого леопарда. Зверь выглядел ужасно, его нужно было как можно скорее доставить в безопасное место.

Провожая его взглядом, Хэ Чэншуан медленно облизал пересохшие губы и, прищурившись, заверил:

— Хорошо. Больше не буду.

Разумеется, в будущем это обещание Хэ Чэншуан повторит еще сотни раз. Но сегодня, уступив ему единожды, Е Цинжан обрек себя на то, что больше никогда не сможет противостоять его диким порывам.

Хэ Чэншуан подогнал спрятанный неподалеку внедорожник. Общими усилиями они затащили тяжелого зверя на заднее сиденье и отвезли в дом Хэ Чэншуана. Поскольку Е Цинжан изучал традиционную китайскую медицину и не специализировался на животных, хозяин дома нанял двух опытных ветеринаров. Увечья леопарда ужасали: помимо глубоких рубцов от кнута, в его лапы были вбиты стальные иглы, а в крови еще циркулировал сильный транквилизатор. К счастью, зверь пробыл в неволе недолго и сумел сбежать прямо во время транспортировки, так что раны не успели воспалиться. Спустя неделю бережного ухода и лечения леопард практически поправился, а старый, неправильно сросшийся перелом на задней лапе врачи заново вправили и зафиксировали.

Дикий хищник свирепо скалился на любого, кто пытался приблизиться. Исключение составлял лишь Е Цинжан — леопард ластился к нему, чувствуя живительную прохладу духовной энергии дерева, которой юноша подпитывал его раны. Однако отношение зверя к Хэ Чэншуану было совершенно особенным. Леопард принимал сырое мясо только из его рук. Стоило кому-то другому поднести еду, как хищник предупреждающе рычал и брезгливо отпихивал куски лапой.

Понаблюдав за ними некоторое время, Е Цинжан пришел к выводу, что благородный хищник признает хозяином лишь того, в ком чувствует равную или превосходящую силу. Подачи от слабых людей он расценивал как унижительную милостыню, на которую ни за что не согласился бы пойти.

Сейчас Е Цинжана больше всего заботил вопрос медитации. Хэ Чэншуан покидал дом только по делам, а всё свободное время предпочитал проводить в его обществе. Запереться в комнате на несколько дней, как раньше, стало попросту невозможно. И самое досадное — Е Цинжан раз за разом ловил себя на мысли, что не находит в себе сил отказать этому человеку.

«Если я пропаду в спальне на пару суток, мне будет трудно придумать этому разумное объяснение», — мысленно оправдывался он перед самим собой.

Раздался негромкий щелчок дверного замка. Услышав шаги, Е Цинжан вынес из кухни последнюю тарелку.

— Как раз вовремя, я только закончил. Садись за стол.

Хэ Чэншуан замер на пороге, любуясь юношей в простой белой футболке и свободных домашних брюках. На губах Е Цинжана не было улыбки, но из-за их естественного изгиба казалось, будто он таит в уголках рта легкую усмешку — если, конечно, не сердился или не поджимал их в холодном равнодушии.

Поверх одежды на нем был повязан темно-синий фартук. Эта домашняя, уютная картина показалась Хэ Чэншуану настолько прекрасной, что его просторный, вечно холодный и пустой дом мгновенно наполнился живым теплом.

Готовить вызвался сам Е Цинжан. Хэ Чэншуан мало заботился о режиме: ел нерегулярно и хватал всё без разбору, совершенно не заботясь о вкусе. Покупная еда, которую приносили его подчиненные, совершенно не подходила Е Цинжану. Южанин по происхождению, он привык к легким, изысканным блюдам, а встав на путь духовного самосовершенствования, стал еще требовательнее к чистоте и качеству пищи.

До этого кухня в особняке Хэ Чэншуана служила лишь декорацией — в ней не было даже базовой утвари. Поначалу Е Цинжан опасался, что хозяина будут раздражать кухонная суеда и запахи гари, поэтому заговорил об этом очень деликатно:

— Сейчас, пока ты молод и полон сил, неправильное питание не дает о себе знать. Но со временем старые травмы и пренебрежение к здоровью накопятся, и когда они заявят о себе, будет уже поздно.

Он не подозревал, какую бурю вызвали его слова в душе сурового Хэ Чэншуана. Тот едва сдерживал ликование и в тот же день приказал Лао Цзяну забить кухню всем необходимым. Бедный Лао Цзян со своими парнями, отродясь не занимавшиеся хозяйством, полдня метались среди кастрюль и продуктов. Не зная, что именно требуется, они скупили едва ли не половину супермаркета.

Хэ Чэншуан заранее приготовился терпеть любые кулинарные неудачи Е Цинжана и пообещал себе съесть всё без единого вздоха. Однако, отведав первое же блюдо, он мгновенно передумал и ревниво решил, что отныне Е Цинжан не должен готовить ни для кого, кроме него. Хотя исполнить это эгоистичное желание, разумеется, было невозможно.

За их первым совместным обедом Хэ Чэншуан спросил:

— Цинжан, ты где-то учился кулинарии?

Е Цинжан налил ему пиалу наваристого бульона из утки с молодыми побегами бамбука.

— Если твои родители разводятся, когда тебе едва исполняется шесть, а отец совершенно не занимается домом, волей-неволей научишься готовить.

— Мою мать отец загнал в могилу, когда мне было десять, — бесстрастно отозвался Хэ Чэншуан. — Но готовить я так и не научился. Видимо, тут нужен талант. — Он принял пиалу и жадно отхлебнул. Легкий, тщательно очищенный от жира бульон был идеальной температуры — тепло мгновенно разлилось по телу, согревая желудок.

Заметив, с какой торопливостью тот пьет, Е Цинжан слегка нахмурился:

— Не спеши так.

Хэ Чэншуан послушно замер, кивнул и замедлил движения. Он не сводил глаз со своего гостя. Е Цинжан ел не торопясь, изящно и спокойно. В отличие от самого Хэ Чэншуана, привыкшего поглощать пищу на ходу и без лишних церемоний, юноша держался с врожденным благородством.

Хэ Чэншуан уже наелся и отложил палочки, но, глядя на сидящего напротив юношу, невольно потянулся за добавкой. Заметив это, Е Цинжан взял его пустую пиалу и ушел на кухню, чтобы положить еще риса, мысленно прикидывая, что в следующий раз нужно будет приготовить побольше.

Хэ Чэншуан ловил каждое его движение. Этот юноша был идеален во всем. Внезапно в глазах мужчины вспыхнул опасный, собственнический огонек.

«Неужели он способен заботиться о ком-то еще так же, как обо мне?»

Но ревнивая мысль почти сразу сменилась хищной усмешкой:

«Теперь, когда он встретил меня, я просто не позволю ему даже смотреть на кого-то другого».

Спокойные дни пролетели незаметно, и вскоре у Хэ Чэншуана появились неотложные заботы. Ему предстояло лично отправиться в Мьянму, чтобы проконтролировать транспортировку нескольких грузовиков с крайне ценным товаром. Брать с собой Е Цинжана было нельзя: поездка обещала быть не только трудной, но и смертельно опасной.

Оставлять юношу одного тоже не хотелось — на душе было беспокойно. После долгих раздумий Хэ Чэншуан приказал Лао Цзяну и еще нескольким проверенным, хорошо подготовленным бойцам остаться в особняке для охраны.

<http://bllate.org/book/19006/1917946>